

заслугъ», наименование «Крымскаго». Когда читаешь эти строки, невольно вспоминается неодобраніе Врангеля по поводу того, что Шкуро Мамонтовъ и подобные имъ дѣятели въ свое время не предавались суду.

Съ переменной положенія у Врангеля, очевидно, въ значительной мѣрѣ измѣнилось и воспріятіе окружавшей его дѣйствительности. Ставъ правителемъ, онъ началъ воспринимать эту дѣйствительность главнымъ образомъ черезъ призму официальныхъ рапортовъ и это въ связи съ большой его увѣренностью въ себѣ сообщило и его воспоминаніямъ характеръ официознаго повѣствованія, въ значительной мѣрѣ подрывающій интересъ второй части «Записокъ». И въ ней есть, конечно, любопытные эпизоды, касающіеся и внутренней политики, и военныхъ дѣйствій, и дипломатіи, но такіе эпизоды представляютъ въ ней скорѣе исключенія и въ общемъ она не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, какія могли бы быть связаны съ нею.

В. Мякотинъ.

Дм. Чижевскій. Філософія на Україні Спроба історіографіі питання. Изд. «Сіяч», Прага, 1926. Стр 198.

Эта по украински написанная и литографированнымъ образомъ изданная книга профессора Украинскаго Педагогическаго Института въ Прагѣ, зарекомендовавшаго себя рядомъ интересныхъ работъ и въ русской философской и въ общей печати, а также и своими работами на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, представляетъ немаловажный интересъ для всякаго интересующагося исторіей русской философіи. Авторъ называетъ свою книгу предварительнымъ очеркомъ и смотритъ на нее какъ на «опытъ постановки проблемъ, на которыхъ въ первую очередь долженъ будетъ остановиться будущій историкъ философіи на Украинѣ» Книга совсѣмъ не претендуетъ дать исторію украинской философіи, которой, по мнѣнію автора, не отрицающаго вообще національнаго характера философіи (стр. 8 - 14) еще нѣтъ. Только тогда, когда украинская философія создастся, что не можетъ быть сейчасъ предрѣшено, ибо рѣшатъ вопросъ этотъ факторы, находящіеся внѣ имманентнаго развитія философіи (стр. 45), можно будетъ, обращаясь назадъ къ прошлому, открыть единство національной украинской философской традиціи. Тогда, въ свѣгѣ безспорнаго факта самостоятельнаго философскаго творчества, займутъ свое мѣсто и явятся въ новомъ освѣщеніи и тѣ философы-украинцы, о которыхъ повѣствуетъ настоящій очеркъ (стр. 15, 124), предварительный характеръ котораго вызывается такимъ образомъ самую объективную сутью дѣла, а не субъективными мотивами авторскаго труда. Пока же можетъ идти рѣчь только о «философіи на Украинѣ», а не украинской философіи (стр. 18).

Въ связи съ этимъ самъ авторъ вполне сознаетъ отсутствіе рѣзкихъ границъ, всю условность и произвольность отмежеванія имъ предмета своего изслѣдованія (стр. 17) «Съ одной стороны, говоритъ онъ,

нельзя исключить из истории философии на Украинѣ тѣхъ, кто писалъ на чужихъ языкахъ или дѣятельность которыхъ протекала внѣ Украинъ. «Съ другой стороны, слишкомъ часто на Украинѣ жили и работали и имѣли большое вліяніе, хотя бы и не ассимилировавшись съ украинской культурной жизнью, представители другихъ націй (нѣмецкіе, русскіе и польскіе профессора на университетахъ на Украинѣ)». Слѣдуетъ, однако, сказать, что оба эти случая являються на дѣлѣ не исключеніями въ изложеніи автора (какъ, напр., писавшій по латыни и по французски Лейбницъ въ исторіи нѣмецкой философіи), а правиломъ, ибо изъ 12-и главъ его книги только двѣ главы (12-я о вост. галицкихъ филозофахъ и 13-ая, посвященная «вліянію философіи на широкіе круги общества») и «дополненіе», посвященное «философской литературѣ за г. г. 1921 - 1926, трактуютъ объ авторахъ, писавшихъ также и по украински. Вполнѣ понятно поэтому, что авторъ часто не послѣдователемъ и производителемъ въ своемъ выборѣ. Такъ, напр., подробно излагая дѣятельность шеллингианца Д. Велланскаго, украинца родомъ (первоначальная фамилія В. была Кавунникъ) и только въ началѣ учившагося въ Кіевской Академіи, а завершившаго свое образованіе въ Петербургѣ и въ Германіи, писавшаго же по русски и преподаващаго въ Петербургѣ, авторъ исключаетъ изъ своего изложенія извѣстнаго философа права гегельянца П. Рѣдькина, украинца родомъ и воспитанника Нѣжинскаго лицея, мотивируя это тѣмъ, что «его литературная дѣятельность протекала внѣ Украинъ» (стр. 110). И это несмотря на заслуживающій, по мнѣнію автора, вниманія фактъ, что шеллингианство не имѣло (въ отличіе отъ гегельянства) на Украинѣ того вліянія, которое оно имѣло въ Россіи (стр. 95). Впрочемъ, всѣ возраженія, которые могли бы быть сдѣланы автору относительно самой темы его изслѣдованія и отграниченія имъ своего матеріала, не имѣютъ въ сущности силы по отношенію къ нему. Авторъ самъ сознаетъ невозможность болѣе или менѣе точнаго отграниченія «философіи на Украинѣ» отъ русской философіи вообще и совсѣмъ не желаетъ «призывать украинскихъ философовъ къ украинскому прошлому въ философіи, какъ къ чему то великому и достойному подражанія». Напротивъ, онъ настаиваетъ на томъ, что «самостоятельная творческая работа можетъ протекать лишь въ тѣсной связи съ великими историческими традиціями міровой мысли» (стр. 4). И надо скорѣе быть благодарнымъ автору за ту щедрость, съ которой онъ привлекаетъ въ кругъ своего изложенія всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ хотя бы какое-нибудь отношеніе къ Украинѣ: не только Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича, не говоря уже о Г. Сковородѣ, но и нѣмца И. Шада, бывшаго первымъ профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ, упомянутаго уже Д. Велланскаго, и С. Гогоцкаго, и П. Юркевича, и В. Лесевича, О. Потебню и даже Богдана Кистяковского и М. Тугана-Барановскаго.

Ибо книга Д. Чижевскаго представляетъ собою единственный въ своемъ родѣ по полнотѣ и точности приведенной въ немъ библиографіи трудъ. Это — образецъ филологической акрибіи. Авторомъ исполъ-

зована громадная литература, относительно каждаго отдѣльнаго философа (даже совсѣмъ мало извѣстнаго) упоминаются не только самыми точнымъ образомъ всѣ его сочиненія, разныя ихъ изданія, книги и журнальныя статьи, ему посвященныя, но нерѣдко и рецензіи по поводу этихъ послѣднихъ, дается очень мѣткая и безпристрастная характеристика и оцѣнка основныхъ трудовъ, посвященныхъ тому или иному философу или періоду философскаго развитія. По поводу отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ, приводится и новѣйшая иностранная литература. Это обиліе библіографіи составляетъ главную особенность книги, задача которой не столько историческая, сколько историографическая. Поэтому и изложеніе ограничивается преимущественно подробнымъ изслѣдованіемъ «влиній», въ особенности выясненіемъ западно-европейскихъ источниковъ, которыми пользовался тотъ или иной философъ. Характеристика философскихъ взглядовъ излагаемыхъ мыслителей отступаетъ при этомъ на задній планъ, и даже въ изложеніи такихъ крупныхъ мыслителей, какъ Г. Сковорода и П. Юркевичъ, авторъ ограничивается только нѣсколькими мѣтками сопоставленія и интересными штрихами, заставляющими пожалѣть о томъ, что имъ поставлена себѣ только предварительная библіографическая, а не завершающе-философская задача. Но эта задача выполнена авторомъ превосходно, и врядъ ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что трудъ Д. Чижевскаго останется надолго незамѣнимымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго, кто занимается исторіей не только «философіи на Украинѣ», но исторіей русской философіи вообще. Въ немъ не только сведено въ одно легко обозримое и чрезвычайно удобно приспособленное для дальнѣйшаго использованія цѣлое вся прелыдушая историческая работа о введенныхъ имъ въ кругъ своего изложенія философскихъ авторахъ, но и много вскрыто имъ неточностей и неправильностей въ этой работѣ, много сдѣлано имъ дополненій и открытій въ деталяхъ, иногда довольно существенныхъ. Такъ Чижевскимъ почти исчерпывающе освѣщена немаловажная въ исторіи философіи проблема: вопросъ о значеніи и роли въ ней Кіевской Духовной Академіи, которая съ 16-го до конца 18-го вѣка была главнымъ, если не единственнымъ, проводникомъ западно-европейскихъ философскихъ идей въ обиходъ украинскаго и вообще русскаго культурнаго общества. И авторъ правильно поступилъ, что, выдѣливъ относящійся къ этому вопросу матеріалъ, онъ изложилъ его подробно и въ отдѣльной по нѣмецки написанной статьѣ («Die abendländische Philosophie in der alten Ukraine, XV - XVIII Jahrhunderte», въ «Abhandlungen des Ukrain. Wissenschaftlichen Institutes zu Berlin», Bd I, 1928).

С. I. Гессенъ.